

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ХОРОВОДНОЙ ТРАДИЦИИ УДМУРТСКОГО КАЛЕНДАРЯ¹

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ВЛАДЫКИНА
СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ТОЛКАЧЕВА

(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН: Российская Федерация,
426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности бытования хороводно-игровой культуры в Камско-Вятском регионе, характеризующемся длительным совместным проживанием многих народов, на примере жанровой иерархии удмуртского музыкально-песенного фольклора. Заимствованные образцы русских хороводно-игровых и плясовых песен календарного цикла анализируются в контексте социальных процессов, в частности, христианизации края. Обогащение музыкального репертуара календарной обрядности за счет заимствованных песен аргументируется также внутренними закономерностями музыкально-поэтического творчества народа. Русские хороводно-игровые и плясовые песни образуют дополнительную сферу к параллельно существующему ядру знаковых для культуры сакральных родовых напевов. Не менее важным фактором аккультурации является феномен финно-угорского импровизированного пения.

На основе «состыковки» нескольких русских плясовых или игровых песен либо их творческого переосмысления могут создаваться оригинальные удмуртские сюитные композиции. В музыкальной стилистике хороводно-игровых и плясовых песен северо-удмуртской традиционной культуры наблюдаются две тенденции: первая связана с максимальным сохранением «русской» модели, вторая координируется с напевами, где происходят ритмические изменения. Влияние русской хороводно-игровой культуры становится довольно значительным в связи с интенсивными процессами христианизации в регионе. По мере введения в научный оборот дополнительных материалов ареал данного феномена значительно расширяется.

Ключевые слова: удмуртский календарь, хороводно-игровая культура, межэтнические связи, русские заимствования, вербальные и музыкальные тексты.

Хороводная культура как ритмически организованное движение способствует координации членов общины с природными циклами, организует пространство и время в единое целое [Агапкина, Валенцова, Левкиевская 2004; Толстая 2012].

Наибольшая созвучность природным явлениям присуща ритуалам осенне-зимнего и весенне-летнего периодов, что сказывается на этнографическом контексте, кинетике, вербальных и музыкальных текстах, сопровождающих обряды жанров.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований УрО РАН в 2015–2017 гг. по теме «Мифология удмуртов в историко-культурном наследии» № 15-13-6-8.

Функционирование хороводной культуры отличается целостностью и имеет определенные закономерности, связанные с этническими особенностями населения. Территория Удмуртии, как и в целом Камско-Вятского региона, характеризуется длительным совместным проживанием многих народов: русских, удмуртов, татар, бесермян, марийцев, коми-пермяков и др. В западном и северном этнокультурных субареалах исполнители осознают и называют себя русскими, хотя не исключена возможность их удмуртских или коми-пермяцких корней [Стародубцева 2001].

В отличие от русской традиции, хороводно-игровые и плясовые песни в иерархии жанров удмуртского фольклора занимают «периферийное» положение. Ведущими в календарных обрядах являются приуроченные напевы, как, например, *Акашка / Буззыннал / Быдзым нунал / Великтэм / Паска гур* (напев <обряда> Акашка / Великого дня / Пасхи); *Гершыд гур / Трочинь гур* (напев Гершыд <обряда окончания весенне-полевых работ> / напев Троицы); *Пукро гур* (напев <обряда> Пукро), *восьнерге гур* (напев моления <календарно приуроченного>) и т.д. [Владыкина 1998; Нуриева 1999; Чуракова 1999; Владыкина, Глухова 2013; Вершинина, Владыкина 2014]. Они маркируют обряды и звучат во время ритуального обхода дворов кругом родственников [Нуриева, 1999, 95, 99; Владыкина, Глухова 2011, 4, 144 и др.]. Имеются свидетельства о спорадическом исполнении обрядовых мелодий на струнном музыкальном инструменте *крэзь* во время молений [Нуриева 2004, 193–195].

Среди видов кинетики в удмуртской хороводной традиции встречаются как оригинальные, так и сходные с русскими. Такие движения, как круговое в хороводе, шеренгами вдоль улицы, парами типа «ручейка», хождение попеременно двух шеренг навстречу друг другу, пластические изображения сюжета жестами, имеют прямые аналогии с русской традицией региона. Специфическими видами хореографии удмуртских хороводов являются быстрое кружение одной пары или трех (*куинен бергаса*) в общем кругу, шен (хождение

двумя цепочками навстречу друг другу, при этом каждый обходит партнера напротив из противоположной цепочки) [Долганова, Стародубцева 2000, 6–8].

Русские хороводные песни в фольклоре северных удмуртов встречаются намного чаще, чем у южных. Одним из первых еще в XIX в. на это обратил внимание Н.Г. Первухин. В классификации музыкального фольклора *глазовских* удмуртов, предложенной им по функциональному признаку, хороводные и плясовые песни (*шудон крэзь, тэтчан крэзь*) отделены от обрядовых напевов. Он указывал, что «большинство таких песен теперь уже не вотские, а русские» [Первухин 1888, 39]. Вплоть до сегодняшнего дня жанровый состав песенного фольклора северных удмуртов не изменился. Особенностью бытования хороводной культуры является использование в качестве круговых (для сопровождения хождения по кругу) песен любого жанра в умеренном и медленном темпах (лирическая, хороводная, игровая) на русском или удмуртском языках (*вечорка мадь / круген шудон мадь / круген бергаса*). В плясовых песнях (*тэтчан мадь*) переинтонируются русские плясовые, игровые песни и частушки.

Выделяется корпус песен, звуковая ткань которых копируется буквально или с незначительными изменениями. В некоторых образцах этническая специфика проявлена в большей мере, и при очевидном сходстве с русскими песнями их развитие подчиняется собственным закономерностям. Близкое к указанному явлению взаимодействие традиционных культур наблюдается и в других регионах с длительными контактами русского населения и коренными этносами².

Русский словесный текст служит для исполнителей самостоятельной устойчивой композицией, моделью, которая испытывает значительные изменения вследствие «забывчивости» или непонимания информантами смысла отдельных слов или словосочетаний. Особенно явственны были эти причины в XIX — начале XX в., а искажения остались в матрице текста, представляя собой достаточные для музыкального воспроизведения варианты, вплоть до их

² О сходных процессах, обозначенных как «фольклорное двуязычие» в Коми крае, см.: [Власов, Филиппова 2000; Савельева 2004; Власов, Канева 2006; Черных 2009; Мусанова 2014].

аудиофиксации в конце XX в., когда знание русского языка уже не было проблемой. Например, начало известной лирической песни «Сидит Ваня на диване...» исполняется как «Сидит Тыня ль да на динваня...»:

Сидит Тыня ль да на динваня,
Он последней рюмку пьёт,
Ведёр дёнушки в стакане,
Казак, душицы, прощай.
Казак, душицы, прощай,
Прощай, дефки, прощай, баба,
Прощай, стэрай, ой да, старошки.
Прощай, старой старушки,
А остаточно еранка,
Куплю я тройку лошадей.
Куплю я тройку лошадей,
Тройка скачет, ямышк плачет,
Казначей песни поёт,
Казначей песни поёт,
Подбегай моей три тройка,
Вдоль по дорошке трэктовой.
Вдоль по дорошке трэктовой,
На правой руке — кабаке,
Нам кабаке, ой да, знакомой.
Звали гости да, некуда сести
[Стародубцева 2001, 387–388].

В исполнении удмуртами русских песен часто «высвечивается» скрытый мелодизм и красота языка русского текста. Данный феномен можно объяснить с точки зрения фонологического лингвистического метода: «В родном языке мы “слышим” фонемы (на самом деле не слышим, а идентифицируем, отождествляем — “приписываем”, “приобщаем” каждый звук к определенной фонеме). В чужом же языке, особенно когда имеет место не усвоение языка в целом, а только лишь заимствование из него отдельных слов, мы слышим звуки — аллофоны, оттенки фонем...» [Осипов 1999, 216].

Музыкальная ткань хороводно-игровых и плясовых песен может быть идентична песням, исполняемым русскими ансамблями. В текстах данных песен допускаются варьирования от минимальных (изменение одного слова, словосочетания) до практически полного изменения смысла и сохранности лишь чередования гласных:

У нас молодцы коштанят, (2)
Вдоль по улице гуляют. (2)
По бокам они не смотрят. (2)

Прямо к девице подходят...
[Стародубцева 2001, 193–194].

Скажым: — Лошади готовы, (2)
Скажым: — Лошади готовы, из колёчки
у ворот. (2)

Из колечки у ворот же, (2)
Из колечки у ворот же, мой-от милый
не здоров. (2)
Мой-от милый не здоров же, (2)
Мой-от милый не здоров же,
во постелюшке лежит...
[Там же, 365–366].

На основе «состыковки» нескольких русских плясовых или игровых песен или их творческого переосмысления могут создаваться оригинальные удмуртские сюитные композиции. Образцом свободного развития напева может служить *тэтчан кырзэн* из д. Камыжево Кезского р-на. Напев «Селезень утку ловит», повсеместно бытующий в качестве игровой, в д. Камыжево исполняется под пляску. Начинается он аналогично одноименной русской игровой песне. Далее в развитии появляются новые ритмомелодические обороты, при этом изменяется количество музыкальных акцентов в строках и в конечном итоге — ритмическая структура произведения. Каждая строка или группа строк воспринимается как новая музыкально-вербальная мысль, а композиция в целом — как сильно «сжатый» вариант песенной «сюиты»:

Селезень ловил утку,
Молодой ловил серу,
Поди, утиса, домой,
Поди, серая, домой,
У тя семеро детей,
Восьмой селезень,
А девятая — сама.
Стокина, стоки.
Гей, гей, головина, лапти,
Гей, гей, головина, лапти.
Нушки-нашки, гормошки,
Нушки-нашки, гормошки.
Понисер, понисер, понисерочка моя,
Кунакар, кункар, кункарочка моя.
Иди, или, укось,
Чубарики, мулаши.
Ай, да, уна, кыз да, уна, кызкатуриха моя
[Там же, 385–387].

Таким образом, в музыкальной стилистике хороводно-игровых и плясовых песен североудмуртской традиционной культуры наблюдаются две тенденции. Первая, доминирующая, связана с максимальным сохранением «русской» модели. Вторая тенденция координируется с напевами, где происходят ритмические изменения. Такие напевы встречаются весьма редко. На наш взгляд, ритмическое варьирование связано с двумя моментами. Во-первых, звуковая ткань напева испытывает влияния традиционных обрядовых песен на междометные, асемантические слова (*веськыт крезь / веськыт кырзан / кылтэм кырзан* [Ходырева 1996]). Во-вторых, под воздействием неких (пока непонятных до конца) причин, возможно кинетического плана, «запускается» механизм преодоления постоянной повторности, заданности через ритмическую и мелодическую импровизационность.

Итак, в традиционной удмуртской культуре русские хороводно-игровые и плясовые песни не имеют соответствующего уровня сакральной сущности, как в исконно русской традиции. Для маркирования «готовности» к взаимодействию с космическими природными силами в удмуртских календарных праздниках существуют специфические напевы, сохраняющие память о знаковой сущности определенного календарного напева и принадлежности исполнителей к древним родам. Тем не менее, влияние русской

хороводно-игровой культуры стало довольно значительным в связи с интенсивными процессами христианизации в регионе. Наложение православного календаря на дохристианские верования изменило соотношение жанрово-стилевых характеристик музыкально-песенного репертуара, сопровождающего календарные обряды. Удмуртские материалы подтверждают идею исследователей коми локальных традиций о христианизации местного населения как о причине появления феномена фольклорного билингвизма. По мере введения в научный оборот дополнительных материалов ареал данного феномена значительно расширяется. Возможно, речь может идти и об особой финно-угорской составляющей в процессах адаптации и консервации русской традиционной культуры [Владыкина 2004; Корепова 2006; Толкачева 2015].

Еще одной веской причиной билингвального бытования хороводно-игровой культуры в удмуртской среде, на наш взгляд, являются ментальные стереотипы импровизационного пения как свободного звукового воплощения душевного состояния³. Русские хороводно-игровые песни в удмуртских календарных обрядах дают дополнительную возможность раскрытия и выплеска эмоций участников. В отличие от них, сакральные функции маркированных календарных напевов не позволяют выйти за рамки строго размеренного ритуального этикета.

Литература

Агапкина, Валенцова, Левкиевская 2004 — Агапкина Т. А., Валенцова М. М., Левкиевская Е. Е. Обходить (обновить, обносить) // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). М., 2004. С. 480–483.

Вершинина, Владыкина 2014 — Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск, 2014. С. 25–73. (Удмуртский фольклор).

Владыкина 2004 — Владыкина Т. Г. О финно-угорском и славянском в исторической динамике фольклорного пространства России // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса. Вып. 2: Матери-

алы российско-финского симпозиума (г. Архангельск, 20–21 ноября 2003 г.) / Отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск, 2004. С. 25–32.

Владыкина 1998 — Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.

Владыкина, Глухова 2011 — Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год- берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. (Удмуртская обрядовая азбука).

Владыкина, Глухова 2013 — Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Этнокультурный контекст представлений удмуртов о времени // Традиционная культура. 2013. № 1 (49). С. 110–117.

Власов, Канева 2006 — Власов А. Н., Канева Т. С. К проблеме феноменологии локальных

³ Об импровизационном пении как особом типе музыкального мышления см.: [Нуриева 2014].

традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения: Сб. науч. трудов. К 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар, 2006. С. 16–39.

Власов, Филиппова 2000 — *Власов А. Н., Филиппова В. В.* Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. № 2 (2). С. 87–89.

Долганова, Стародубцева 1999 — Игровые и хороводные песни Удмуртии / Предисл. Л. Н. Долгановой, С. В. Стародубцевой. Ижевск, 1999. (Удмуртский фольклор).

Корепова 2006 — *Корепова К. Е.* Финно-угорская среда как стабилизирующий фактор в сохранении русской фольклорной традиции в Нижегородском Поволжье // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста (Ижевск, 23–26 октября 2005 г.) / Отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2006. С. 22–26.

Мусанова 2014 — Фольклор прилузских коми: справочно-аналитические материалы / Сост. С. С. Мусанова; Под ред. Т. С. Каневой. Сыктывкар, 2014.

Нуриева 1999 — *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999.

Нуриева 2004 — *Нуриева И. М.* О музыкальном контексте удмуртских молений // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования: Сб. ст. / Отв. ред., Авт. предисл. Н. И. Шутова. Ижевск, 2004. С. 192–204.

Нуриева 2014 — *Нуриева И. М.* Импровизация в песенной культуре удмуртов: жанр, стиль, мышление: Монография. Ижевск, 2014.

Осипов 1999 — *Осипов Б. И.* К вопросу о фонетическом освоении заимствованной лексики в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. трудов. Ижевск, 1999. С. 215–226.

Первухин 1888 — *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888–1890. Эскиз III.

Савельева 2004 — *Савельева Г. С.* Коми песенно-игровой фольклор праздничных молодежных собраний: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004.

Стародубцева 2001 — *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 2001.

Толкачева 2015 — *Толкачева С. В.* Терминология чинов партии жениха в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 3. Ч. 3. С. 162–167.

Толстая 2012 — *Толстая С. М.* Ходить // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). М., 2012. С. 443–446.

Ходырева 1996 — *Ходырева М. Г.* Песни северных удмуртов. Ижевск, 1996. Вып. 1.

Черных 2009 — *Черных А. В.* Межэтнические взаимодействия в календарной обрядности русских Пермского края // Традиционная культура. 2009. № 4 (36). С. 37–47.

Чуракова 1999 — *Чуракова Р. А.* Песни южных удмуртов. Ижевск, 1999. Вып. 2. (Удмуртский фольклор).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Владыкина Т. Г. — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел. +7 (3412) 68-78-44; e-mail: tgvladykina@mail.ru

Толкачева С. В. — кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка, литературы УрО РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел. 8 (3412) 68-78-44; e-mail: svetlana-tolk@mail.ru

INTER-ETHNIC COMMUNICATION IN ROUND DANCE-PLAYING TRADITION OF THE UDMURT CALENDAR CIRCLE

TAT'YANA VLADYKINA
SVETLANA TOLKACHEVA

(Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Uralic Division of the Russian Academy of Sciences: 4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation)

Summary. The article reveals features of round dance-playing culture, appearing in the Kama-Vyatka region to which ongoing conjoint inhabitancy of different ethnic population has been typical for a long time. They are exemplified in genre hierarchy of the Udmurt musical-song folklore. Samples borrowed from Russian round dance and hopping songs of the calendar cycle are analyzed in the context of social processes, in particular, the Christianization of the region. Enrichment of the musical repertoire of calendar rituals by means of borrowed songs has been also supported by internal laws of musical and poetic creativity of the Udmurt people. Russian round-dance and hopping songs form an additional sphere to significant sacred tribal chants existing apart. The phenomenon of the Fenno-Ugric improvised singing is not the less important factor of acculturation. Joining of several Russian hopping or playing songs or their transformation serve as a basis for Udmurt suite compositions. Musical stylistic of round-dance playing and hopping songs of the Northern Udmurt tradition is characterized by two profiles. One aims at the highest possible preservation of the Russian model, another tends to adjust to melodies, that affect rhythmic transformations. Influence of the Russian round-dance playing culture has got more significant in connection with intense process of Christianization in the region. In accordance with scholarly acquisition of additional materials, the sphere of this phenomenon grows.

Key words: the Udmurt calendar, round dance-playing culture, inter-ethnic communication, Russian borrowings, verbal and musical texts.

Acknowledgements. This paper is supported by the Program of the Fundamental Studies of the Uralic Division of the Russian Academy of Sciences in 2015–2017, project “The Udmurt Mythology in Historical and Culture Heritage” No. 15-13-6-8.

References

- Agapkina T. A., Valentsova M. M., Levkivskaya E. E. (2004) Obkhodit' (obnovit', obnosit') [To Initiate New Clothing]. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvistiicheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 3. Moscow. Pp. 480–483. In Russian.
- Chernykh A. V. (2009) Mezhetnicheskie vzaimodeystviya v kalendar'noy obryadnosti russkikh Permskogo kraja [Interethnic Interactions in Calendar Ceremonies among Russians of Perm Region]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2009. No. 4 (36). Pp. 37–47. In Russian.
- Churakova R. A. (1999) Pesni yuzhnykh udmurtov [Songs of the Southern Udmurts]. Issue 2. Izhevsk. In Russian.
- Dolganova L. N., Starodubtseva S. V. (1999) Igrovye i khorovodnye pesni Udmurtii [Playing and Round-Dance Songs of Udmurtia. Preface]. Izhevsk. In Russian.
- Khodyreva M. G. (1996) Pesni severnykh udmurtov [Songs of the Northern Udmurts]. Issue 1. Izhevsk. In Russian and Udmurt.
- Korepova K. E. (2006) Finno-ugorskaya sreda kak stabiliziruyushchiy faktor v sokhranении russkoy fol'klornoy traditsii v Nizhegorodskom Povolzh'e [Fenno-ugric Environment as a Stabilizing Factor of Maintenance of Russian Folklore Tradition in Nizhny Novgorod Province along Volga the River]. *Russkiy Sever i vostochnye finno-ugry: problemy prostranstvenno-vremennogo fol'klornogo dialoga* [The Russian North and Eastern Fenno-Ugric People: Problems of Spatial and Temporal Folklore Dialogue]. Proceedings of the 1st Interregional Conference and the 7th International School for Young Folklore Researchers. Izhevsk. Pp. 22–26. In Russian.
- Musanova S. S. (comp.) (2014) Fol'klor priluzskikh komi: spravochno-analiticheskie materialy [Folklore of the Komi People of Luza the River's Basin: Reference and Analytics Materials]. Ed. by T. S. Kaneva. Syktyvkar. In Russian.
- Nurieva I. M. (1999) Muzyka v obryadovoy kul'ture zav'yatskikh udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i traditsionnogo myshleniya [Music in Ritual Culture of the Trans-Vyatka Udmurts: Problems of Cultural Context and Traditional Mentality]. Izhevsk. In Russian.
- Nurieva I. M. (2004) O muzykal'nom kontekste udmurtskikh moleniy [About the Musical Context of Udmurt Prayer Rites]. *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniya* [Worship Monuments of Kama-Vyatka Region]. Materials and Studies. Collected

papers. Ed., preface by N.I. Shutova. Izhevsk. Pp. 192–204. In Russian.

Nurieva I. M. (2014) Improvizatsiya v pesennoy kul'ture udmurtov: zhanr, stil', myshlenie [Improvisation in Song Culture of Udmurts: Genre, Style, Mentality]. Izhevsk. In Russian.

Osipov B. I. (1999) K voprosu o foneticheskoy osvoenii zaimstvovannoy leksiki v udmurtskom yazyke [About the Question of Phonetic Absorption of Borrowed Lexics in the Udmurt Language]. *Problemy udmurtskoy i finno-ugorskoy filologii* [Problems of the Udmurt and Finno-Ugric Philology]. Inter-University Collected Papers. Izhevsk. Pp. 215–226. In Russian.

Pervukhin N. G. (1888–1890) Eskizy predaniy i byta inorodtsev Glazovskogo uyezda [Sketches on Legendry and Everyday Life of Minorities of Glazov County]. The 3rd Sketch. Vyatka. In Russian.

Savel'eva G. S. (2004) Komi pesenno-igrovoy fol'klor prazdnichnykh molodezhnykh sobraniy [Komi Dance-Playing Folklore of the Youngsters' Assemblies]. PhD Thesis (Philology). Syktyvkar. In Russian.

Starodubtseva S. V. (2001) Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Russian Round-Dance Tradition of the Interfluvium of Kama and Vyatka the Rivers]. Izhevsk. In Russian.

Tolkacheva S. V. (2015) Terminologiya chinov partii zhenikha v svadebnykh obyadakh russkikh zhitel'ey Udmurtii [Nomenclature of Ranks of the Bridegroom's Part in Wedding Rituals of the Russian Residents of Udmurtia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Studies: Questions of Theory and Practice]. Tambov. 2015. No. 3. Part 3. Pp. 162–167. In Russian.

Tolstaya S. M. (2012) Khodit' [To Walk]. *Slavyanskaya drevnost: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow. In Russian. Pp. 443–446.

Vershinina E. B., Vladykina T. G. (2014) Pesni yuzhnykh udmurtov [Songs of the Southern Udmurts]. Issue 3. Izhevsk. Pp. 25–73. In Russian and in Udmurt.

Vladykina T. G. (1998) Udmurtskiy fol'klor: problemy zhanrovoy evolyutsii i istematiki [Udmurt Folklore: Problems of Genre Evolution and Systematic]. Izhevsk. In Russian.

Vladykina T. G. (2004) O finno-ugorskom i slavyanskom v istoricheskoy dinamike fol'klornogo prostranstva Rossii [About Finno-Ugric and Slavic in the Historical Dynamics of Russia's Folklore Space]. *Narodnye kul'tury Russkogo Severa. Fol'klornyye entitet etnosa* [Folk Cultures of the Russian North: Folklore Entity of the Ethnos]. Issue 2: Proceedings of the Russian-Finnish Symposium. Arkhangel'sk. Pp. 25–32. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. (2011) Ar-god bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya ("Udmurtskaya obryadovaya azbuka") [Ar-god bergan: Rituals and Fests of the Udmurt Calendar. ("Udmurt Ritual Alphabet")]. Izhevsk. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. (2013) Etnokul'turnyy kontekst predstavleniy udmurtov o vremeni [Ethnic Cultural Context of the Udmurts' Time Concept]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2013. No. 1 (49). Pp. 110–117. In Russian.

Vlasov A. N., Filippova V. V. (2000) Fol'klornoe dvuyazychie v traditsionnoy kul'ture komi [Bilingualism in Traditional Culture of the Komi people]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2000. No. 2 (2). Pp. 87–89. In Russian.

Vlasov A. N., Kaneva T. S. (2006) K probleme fenomenologii lokal'nykh traditsiy (po rezul'tatam issledovaniya fol'klornoy kul'tury Evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii) [To the Problem of Phenomenology of Local Traditions (according to Results of Studies of Folklore Culture of the European North-East of Russia)]. *Narodnaya kul'tura Evropeyskogo Severa Rossii: regional'nye aspekty izucheniya* [Folk Culture of the European North of Russia: Regional Facets of Research]. Collected papers. Syktyvkar. Pp. 16–39. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Vladykina T.: e-mail: tgvladykina@mail.ru

Tel.: +7 (3412) 68-78-44

4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

Full Professor (Philology), Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Uralic

Division, Russian Academy of Sciences

Tolkacheva S.: e-mail: svetlana-tolk@mail.ru

Tel.: +7 (3412) 68-78-44

4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

PhD (Philology), Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Uralic Division,

Russian Academy of Sciences
